

Про уродов и людей

11 января 2012 | Ольга Штраус

Тамара ЧЕРЕМНОВА, «Трава, пробившая асфальт», М., АСТ: Астрель, 2011. Эта книга, появившаяся недавно на прилавках кемеровских книжных магазинов, должна произвести фурор. В нашем регионе — особенно. Причин тому несколько, и начать хочется с не самой существенной.

Итак, во-вторых, здесь описана биография человека, всю сознательную жизнь проведшего в домах-интернатах Кемеровской области, а значит, здесь рассказано о

множестве людей, нередко весьма известных. Главврачи, специалисты социальной сферы, чиновники разного ранга... А также журналисты, сотрудники издательств и телевидения, местные писатели, общественные деятели... Причем люди эти не только «упоминаются», но зачастую весьма подробно характеризуются. В подавляющем большинстве автор не скрывает их подлинных имен. Так что у множества кузбассовцев появилась сегодня возможность увидеть себя глазами мемуариста. Надо отметить, не каждому современнику при жизни выпадает такая честь.

А во-первых (и это – главное!), получив автобиографическую повесть Тамары Черемновой, мы получили редкой силы человеческий документ. Не случайно книга «Трава, пробившая асфальт» была выдвинута в соискатели престижной всероссийской премии по литературе «Национальный бестселлер» и даже вошла в ее лонг-лист (список, куда в результате предварительного голосования специалистов попадает 50 лучших книг, изданных в России за год). Если учесть, что на эти места претендуют десятки тысяч авторов, Тамара Черемнова (можно смело это утверждать!) победила в очень непростом состязании. Ну, не то чтобы окончательно «победила» (призером «Нацбеста» стало совсем другое произведение – роман Дмитрия Быкова «Остромов, или Ученик чародея»), но стала вровень с лучшими образцами отечественной словесности.

И это, на мой взгляд, крайне важно, потому что у многих, кто будет читать книгу Тамары Черемновой, знаю, возникнет искушение зачислить ее по другому разряду.

Дескать, это не «настоящая литература», а «книга из особенных». Знаете, как, бывает, с подчеркнутой политкорректностью говорят о детях-даунятах или инвалидах-колясочниках – «особенные». Так вот, берусь утверждать: повесть Тамары Черемновой «Трава, пробившая асфальт» вполне можно рассматривать по самым строгим литературным критериям – и это произведение их выдержит. Выдержит хотя бы потому, что написано оно, как того требовал великий критик Дмитрий Писарев, «кровью сердца и соком нервов».

В сущности, сюжет повести прост, как и сюжет любых мемуаров. Это искреннее, без прикрас и особенных композиционных ухищрений описание жития больной девочки, Тамары Черемновой. Она родилась в Новокузнецке в 1955 году.

Родилась с диагнозом ДЦП. Сложная парализация лишила ее возможности самостоятельно ходить и пользоваться руками, а также проявилась ярко выраженными речевыми нарушениями. Тем не менее, первые годы жизни в родном доме Тамара вспоминает как самые светлые, счастливые страницы жизни.

И, читая их описание, нельзя не поддаться действительно необыкновенно светлому мироощущению ее личности. И озорство бойкой, смышленной девчонки, и мягкий юмор человека, по-взрослому осмысляющего свои детские шалости – все есть в этих «домашних эпизодах детства».

Вот, например, глава «Стрекозы и вкус дождя». Тетка принесла с улицы стрекозу – порадовать инвалида-племянницу (переливающиеся зеленые крылья поразили ту в самое сердце. А тут еще тетка подогрела интерес неосторожным: «На улице после дождя их много летает»). Тома, дождавшись очередного ливня, естественно, потребовала вынести ее на улицу: хочу увидеть такую же! Но взрослые категорически воспротивились «капризу калеки» («Куда тебя с твоими ходунками в непролазную грязь?»). И только дед, устыдившись детских слез, вынес ее на улицу. «Ноги сразу же промокли, я попробовала сдвинуть ходунки с места, но не удалось их даже

пошевелить, они намертво засели. Выглянуло солнце, с крыши падали большие капли дождя, но сказочно красивых стрекоз нигде не было видно. Я подняла голову и виновато посмотрела на деду, он всепонимающими глазами смотрел на меня, оба отлично представляли, что ждет нас дома... И вот тут память услужливо стирает не очень приятные подробности. Только помню, как баба молча снимала с меня мокрые ботинки...»

Увы, такие домашние эпизоды в книге очень кратки. В 6-летнем возрасте, когда в семье Тамары Черемновой появилась на свет здоровая сестра, родители от девочки-калеки отказались. Сдали ее в специализированный детдом.

Более того. Учитывая ее степень ДЦП, врачи ошибочно поставили ей диагноз умственной неполноценности. Это было как приговор. Диагноз: олигофрения в степени дебильности обрекал человека до конца жизни существовать в специализированных интернатах для психохроников. То есть фактически запирает умственно полноценного человека в палаты к душевнобольным. Можно ли вообразить себе более жуткую перспективу?

Тем не менее, Тамара смогла не только добиться отмены неверного диагноза (а для этого ей пришлось пройти все круги бюрократического ада, добраться до самого министра здравоохранения Е.Чазова), но и стать настоящим писателем.

Надо сказать, что свою литературную славу она снискала прежде всего как автор детских сказок (если порыться в Рунете, можно найти немало ее произведений, их охотно передаривают друг другу всевозможные родительские и литературные сайты). Впрочем, в Союз писателей России она вступила, имея на руках уже с десяток детских книг, изданных в бумажной версии. Самая первая из них – «Про волшебника Мишуту» — опубликована Кемеровским книжным издательством в 1990 году, она вышла тиражом 80 000 экземпляров, достаточно быстро была раскуплена. А поспособствовала ее явлению в свет кемеровская писательница Зинаида Чигарева. Кстати, завоевать ее внимание, профессиональную поддержку, понимание и сочувствие еще тоже надо было суметь! Причем суметь, находясь в условиях жесточайшей изоляции от «нормального» общества.

Вообще, то, что сражает наповал в автобиографии Тамары Черемновой – это осознание ее удивительной жизнестойкости, ее способности пробиться (действительно, как трава сквозь асфальт!) через все непроходимые преграды. Что само по себе, заметим, внушает немалый оптимизм: если у нее получилось, значит, такое в принципе человеческой личности под силу!

Порой думаешь: ну, чем еще судьба может испытать человека? Какие еще препоны на его пути воздвигнуть? Предательство близких? Физическую беспомощность? Одиночество? Жестокость обслуживающего персонала? Непробиваемые стены бюрократического здравоохранения? Все это в биографии Черемновой было. И НИЧЕГО из вышеперечисленного не смогло задушить в ней тонкой человеческой личности и явного таланта. И хотя в этой повести нет одной из основных составляющих увлекательного чтения – любовной линии, читаешь ее с неослабевающим интересом. Этот интерес сродни тому, какой использует Д.Дефо в

своем знаменитом романе про Робинзона Крузо. Когда АБСОЛЮТНО все обстоятельства против человека, он все же находит способы самореализации и личностного выживания. Причем выживания весьма достойного.

Пожалуй, с неменьшим интересом можно прочесть повесть Тамары Черемновой и как «роман воспитания», особенно – воспитания в жестокой среде. Речь не только о ее способности налаживать контакты с окружающими, искать подруг и друзей в неласковом интернатском мире. (С этим-то, к слову сказать, у нее, явно выраженного интроверта, как и положено быть писателю, складывалось не очень). Но зато она умела и умеет находить себе достойных собеседников в иной среде, гораздо более интеллектуальной. Достаточно назвать хотя бы писательницу Марию Арбатову, колумниста и научного работника Ольгу Зайкину, других москвичей, которые познакомились с творчеством Черемновой в Рунете, а потом стали ее горячими поклонниками.

А для тех, кому по житейским обстоятельствам приходилось воевать против бесчеловечных инструкций и законов, книга Черемновой может стать бесценным «путеводителем по чиновным кабинетам».

В сущности, ничего чрезвычайно остроумного, ярко-фантазийного, по-писательски «сочиненного» в повести Тамары Черемновой нет. Зато есть то, что требовал от «настоящей литературы» Лев Толстой, – правда жизни. И она-то оказывается посильнее любых творческих выдумок.

Чего стоит хотя бы документально подлинное, но при этом художественно-яркое описание закрытой жизни интернатных учреждений! Не секрет, что скудные зарплаты, нищета бюджетного финансирования, сама убогость обитателей таких заведений зачастую приводит к ним в качестве услуги отнюдь не лучший человеческий материал. К тому же в России (а до этого – в Советском Союзе) принято было размещать подобные учреждения где-нибудь «на задворках жизни». Не случайно странствие Тамары Черемновой по домам-интернатам приводит читателя в самые потаенные уголки Кузбасса – то в поселок Бачаты, то в маленькую деревню Благовещенку близ Мариинска, то в поселок Инской... Однако трагические эпизоды жизни в этих учреждениях не застилают от автора и радостей жизни. А они ведь случаются везде – по-иному не бывает. С каким воодушевлением описывает Черемнова свое обучение грамоте и счету (при том, что «олигофренов» учить чему бы то ни было считалось делом бесполезным, ибо безнадежным). А ее первые впечатления от художественной литературы! Ее восторженное поклонение человеческой доброте, участию, готовности к взаимовыручке. Ведь на жизненном пути Тамары Черемновой встречались и глубоко гуманные, добрые, мудрые люди. Страницы, посвященные учительнице Анне Ивановне Сутягиной, которая открыла девочке путь к литературе, или «трем Машам» — трем соседкам по палате, каждая из которых пережила глубокую личную трагедию и показала Тамаре, что могут быть и иные «круги ада», — читаешь как откровение.

...А самое главное, что поразило меня в этой книге, – ее финал. «Дописав эту книгу, я будто прожила жизнь заново, — пишет автор. – С болью, с кровью... с анализом

событий, с подведением итогов. И, поставив последнюю точку, могу сказать твердо и уверенно: жизнь удалась!»

Только подлинный, яркий талант способен на такое восприятие мира.

Ольга ШТРАУС.